

Олег Никитин

Рассказы и стихи

Олег Викторович Никитин

Рассказы и стихи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157809

Аннотация

В авторский сборник вошли рассказы и стихи разных лет и разных жанров: «Имя собственное», «Практическая биофизика», «Простагландин», «Пустота», «Семейные сценки», «Небесный булыжник», «Филин в космосе», «FeCl₃», «Жизнь и смерть реставратора Степы», «Имени я не имею», «Рассказ с картинками», «Переход», «Могильный червь», «Абстрактинки», «Клоп», «Сказка о любви», «Сказки-малютки для крошки Анютки» («Заячья жизнь», «Колючие истории», «Цирк в лесу»), «Все о Пушкине (подражание Д. Хармсу)», «Новости пушкинистики», «Вирши разных лет».

Содержание

Имя собственное	4
Практическая биофизика	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Олег Никитин

Рассказы и стихи

Имя собственное

Администраторша являлась типичным представителем своего племени – полноватая дама неопределенного возраста, с подкрашенными хной волосами и скучающим выражением некрасивого лица, полускрытого монументальными дымчатыми очками.

– Имя, – лениво обронила она, просматривая список гостей первого международного фестиваля популяризаторов сатанизма, демонизма и мистики.

– Ник. Улин, – машинально сказал он, перекладывая саквояж из одной руки в другую.

– Ник? – тупо спросила она, с усилием сосредоточившись на длинном ряду фамилий. – Что, в списке так и значиться? Так и писать в квитанции?

– Николай, – запнувшись, сказал он. – По списку – Николай Семенович Никулин. Так и запишите.

Она медленно вывела на разграфленной бумажке одной ей понятные символы – они представлялись Улину написанными вверх ногами, а потому выглядели скорее некими рунами, чем буквами русского языка – и в первый раз внимательно, с острым любопытством взглянула на постояльца.

– А я и не знала, что Вы гость фестиваля. Я представляла Вас более... демоническим, – вдруг, словно пробудившись от сна, с придыханием сказала она.

– Э... почему же? – опешил Улин.

Вместо ответа администраторша нервно хихикнула и поправила якобы сбившиеся набок волосы. Неуловимым движением она извлекла из-под стола изрядно потрепанную книжицу малого формата, на мягкой обложке которой он с тоской узнал оскаленную пасть неведомого химерического зверя, плод убогой фантазии редакционного художника. Это был один из последних и относительно слабых его романов, «Острые клыки Преисподней», изданный в прошлом году.

– Меня зовут Аделаида, так же, как и героиню Вашей книги, – с отвратительно интимными интонациями сообщила она Улину. – Но для Вас просто Ада.

– Вам нравится подобная литература... Ада? – с сомнением спросил он.

– Жутко! Вот, посмотрите, – она вдруг привстала со своего места и наклонилась к Улину, широко разинув крупный рот. На него обрушился приторный дух дикой смеси дешевого парфюма, затхлого пота и мятной жевательной резинки. Совладав с отвращением, Улин присмотрелся к разверстому ротовому отверстию администраторши и заметил, что ее нижние резцы выглядят какими-то неестественно острыми, точно принадлежат не человеку, а барракуде. Медленно подняв взгляд выше, он миновал стандартный пористый нос и столкнулся с черными зрачками, уже почему-то не защищенными мутными стеклами.

– Симпатично? – невнятно спросила она, не закрывая черный провал рта. – Как прочитала Вашу книгу, целый вечер рашпилем работала. Перед зеркалом. – Ее розовый язык, будто жирный червь, шевелился между зубов. – Кабы муж был, его бы попросила.

– Очень натурально, – медленно проговорил Улин, которого, несмотря на душную июльскую жару, неожиданно пробрал озноб.

– Как у Вашей Аделаиды, – удовлетворенно заметила она и села, наконец-то захлопнув свою отвратительную пасть. – Подпишите, пожалуйста.

Улин черкнул на развороте: «Вострозубой Аде от Ник. Улина, посланца Ада». Ничего более путного в голову не пришло, но она осталась довольна и этим. Протянув рыхлую обнаженную руку за спину, она сдернула с гвоздика ключ и вложила его в потную ладонь Улина:

– Ваш номер 613. – И кокетливо добавила: – Я запомню его.

На потертой картонке, притороченной к ключу, было коряво написано полустершееся название заштатной бермудянской гостиницы: «Некрополь». Помнится, никакой вывески на сером пятиэтажном здании не было, в приглашении также значился только адрес проведения фестиваля. Для таксиста этого оказалось достаточно.

Улин уже нагнулся, чтобы подхватить саквояж, как вдруг внезапная и не слишком приятная мысль заставила его вновь обратиться к острозубой Аделаиде.

– Почему, собственно, вы дали мне такой номер? В гостинице ведь пять этажей?

Она хихикнула и подперла голову морщинистым кулаком, на среднем пальце которого он увидел неровное железное кольцо, изъеденное ржавчиной.

– Какой Вы наблюдательный, право! Писатель... Другие и не почешутся, кого на шестой этаж селишь! Потом разве спросят между делом, и то не всегда. Ну да я не буду Вам рассказывать, а то неинтересно станет. Ступайте по лестнице до самого верха, а там не ошибетесь.

– Что, лифт не работает?

– Так и не было его. Пятиэтажка же.

Улин поднял-таки свою легкую ношу – в кратковременные поездки он привык брать с собой только одну смену белья, бритву, зубную щетку, мыло, пачку бумаги и ручку. Даже тюбик зубной пасты оставлял дома. А уж о всяких полотенцах и говорить не стоило – в этом вопросе он обоснованно рассчитывал на гостиничный сервис. Уже отдалившись от столика кошмарной Аделаиды, он услышал за спиной стук закрывшейся двери и обернулся. В полутемный холл ввалился еще один распаренный посетитель, скорее всего – участник фестиваля. Его белые, но при этом отнюдь не седые волосы сверкали в полумраке холла подобно фонарю в ночном небе. Но ни с кем общаться больше не хотелось, и Улин повернулся к лестнице и собрался было сделать шаг, как вдруг замер и уперся в пол обеими подошвами, слегка скользнув ими по мелкой «строительной» крошке. Ровно половина пола прямо перед ним отсутствовала, и, сделай автор романов ужасов Ник. Улин еще хоть один шаг, он неминуемо угодил бы одной ногой в пустоту, и с ним приключился бы самый настоящий, а не книжный ужас – с самой настоящей кровью и неподдельными криками боли. В пяти метрах ниже уровня пола, кое-как освещаемые далекими окнами, лежали кучи старой штукатурки, битые кирпичи и несколько ошестинившихся гвоздями досок.

Над провалом висел новенький, резко пахнущий свежей краской транспарант, на котором значилось: «Автор небезнадежен! Де-Голлева». Улин припомнил, что его первый рассказ, который он отправил легендарному редактору Де-Голлевой, вызвал именно такой отклик – в то время он счел его высшей похвалой и неделю ходил словно пьяный, млея от гордости.

Улин выдохнул и боком миновал воняющую затхлой сыростью «бездну», поначалу испытывая недоверие к монолитным каменным ступеням – они висели непосредственно над серой пустотой. Но невидимая арматура крепко держала бетон, насквозь пронизав его крепкую сущность. Он заметил ведущую во тьму деревянную лестницу, заляпанную кусками грязи, чьи неровно отпиленные концы слегка не доставали до края. Влево и вправо от него тянулись сумрачные коридоры с темными прямоугольниками дверных проемов. Улин заметил грязно-белую табличку с номером «213». Очевидно, какому-то безумцу пришло в голову посчитать мрачный подвал первым этажом.

«Где они думают провести фестиваль? – недоумевал он, поднимаясь на последний этаж. – Черт, лучше бы я опоздал на день, чем приехал заранее. А лучше вообще дома остался».

Каждая лестничная площадка встречала его новым транспарантом, являющим одно из бессмертных речений знаменитого критика. «Литература первична, литератор – вторичен»... «Чем избитее материал, тем он мягче»... «Замедляя реальное действие, вы ускоряете мнимое»... «Чем откровеннее штамп, тем четче оттиск»... «Избитый сюжет – удел инвалидов!»... «Повсеместно искореняйте банальное морализаторство, внедряя наглуую беспринципность и оголтелый цинизм!»... Последнее гениальное высказывание особенно нравилось Улину, поэтому он всячески старался претворять этот наказ в свои творения.

На всех дверях последнего этажа были прибиты одинаковые таблички с номером «613». Улин почесал за ухом и открыл первый же номер. Там его встретил такой пространственный текст: «Не изобретайте лишних имен и названий – читатель вас никогда не поймет и ни за что не простит».

Улин полюбовался на серые стены, черную железную кровать и покрашенное зеленоватой краской окно и распотрошил саквояж. На его дне одиноко лежала бутылка лучшей в мире водки «ЛСД на картофеле», разлитой на заводе в Мочегонске. Проклятая гостиница действовала Улину на нервы, и он с надеждой понюхал горлышко. Но закатали его крепко, и бодрящий дух бестолково прел в стеклянной темнице, не в силах преодолеть пробку. Улин сунул емкость в карман и решительным шагом покинул номер.

По гостинице метался неясный гул, как будто где-то собралась толпа людей, горячо общающихся меж собой и друг с другом. Воодушевленный, Улин спустился на второй этаж – то есть в реальном мире на первый – и, пораженный, уставился на провал. Оттуда лился смутный свет и мелодично-отрывисто рыкали квадрофонические голоса! Он поднес к глазам часы и вонзил в них недоверчивый взор: с момента появления его в этих стенах каким-то образом прошло уже два часа, и снаружи установились ранние осенние сумерки. Холл был пуст и темен, а «первый» этаж манил теплотой и обществом.

Улин по-молодецки споро развернулся спиной к пропасти и поставил ногу на верхнюю ступеньку шаткой лестницы. Оберегая емкость с «ЛСД...», он спустился и чуть не упал от испуга. Прямо у него под ногами, спиной на битом кирпиче лежал человек в валенках, ватнике и шапке-ушанке, и он был жив, несмотря на дыру в правом виске, из которой по каплям сочилась кровь. Улин наклонился к нему и присмотрелся: он сразу узнал пострадавшего, которого не раз встречал на различных писательских конгрессах – это был автор произведений в жанре оптимистической мистики Печорский. Улин со вздохом отвинтил крышку со своей бутылки – акцизная марка так и не порвалась, растянувшись наподобие резинового жгута – и влил в рот Печорскому изрядную дозу. Тот дернул кадыком и выбросил вверх жилистую руку, которой ухватил Улина за ухо и пригнул к самому своему лицу.

– Передай редактору... – просипел он и достал второй рукой из-за пазухи небольшую рукопись. – Сам уже не дойду... Остальное в 613-м, заberi, напечатай... посмертно...

Его взгляд опять помутнел – Печорский явно умирал. Но ему все же удалось ненадолго вернуть себе сознание, и он ясным голосом сказал:

– Всю жизнь хотел узнать твое настоящее имя, Улин. Скажи его мне, и я умру спокойно.

– Никодим, – отозвался Улин. Ухо отчаянно горело – Печорский по-прежнему сжимал его будто тисками. Раненый умиротворенно вздохнул, его дрожащие веки замерли, остановились зрачки: известный автор Печорский умер, в предсмертной судороге едва не вывернув улинское ухо из его черепа.

Улин с трудом отцепил от головы окостеневшие пальцы и выпрямился. «Хоть бы кто-нибудь «скорую» догадался вызвать», – с досадой подумал он, засовывая рукопись погибшего автора в карман и осматриваясь. В обширном подвале имелся единственный столик, за

которым кто-то сидел, а в дальнем углу разноцветно искрился колоннадой бутылок и закусок бар, где копошилась знакомая фигура Аделаиды. Над ней красовался броский транспарант с бессмертными словами Де-Голлевой: «Не творите с похмелья!». Этот самый бар и служил здесь единственным источником света. Неподалеку от Ады двое рабочих сколачивали из разнокалиберных досок что-то вроде помоста, однако стук их молотков, скрежет пил, шелест рубанков, визг выдираемых гвоздей и трудовая песня стамесок заглушались неблагозвучной музыкой.

Человек за столиком заметил, что Улин освободился из захвата Печорского, и призывно помахал ему рукой.

– Я видел, как он упал с лестницы, – сказал он, когда Улин сел напротив него, узнавая в долговязом посетителе подвала популярного автора религиозных метареалистических триллеров Передкова. – Но я и подумать не мог, что он еще жив.

– У меня водка есть, – сказал Улин, доставая бутылку с неотдираемой акцизной маркой. – Будешь?

– Какая? «ЛСД на карт...» Тьфу! Давай лучше пива, – Передков махнул Аде рукой, и та быстро принесла поднос с двумя кружками. – Наконец-то хоть кто-то появился, а то я уж и не надеялся.

– Темный эль, – гордо проговорила администраторша.

– Поворотись-ка, – самодовольно приказал ей Передков и, нимало не тушуясь, ухватился длинными пальцами за подол адиного вечернего платья и задрал его насколько это было возможно. Дряблая кожа администраторши пошла мелкой волной – она хихикала всем телом. Между лопатками у Ады бодро торчали два изящных черных крылышка.

– Ангел тяжелый! – заявил Передков и оттолкнул ее от столика. Ада отправилась на свое место за стойкой, и платье постепенно сползло вниз, прикрыв ее рыхлые ягодички. – Специально в косметическую клинику обратилась, когда мой последний роман прочла, – пояснил он. – Помнишь? «Не нюхайте спирт!» называется.

– Как же, помню, – кивнул Улин. – Могучая штука. А страшная!..

– Давай-ка я тебе отрывок из своей новой повести почитаю.

– Что, по памяти? – высказал сомнение Улин.

– Зачем по памяти? У меня с собой, в поезде успел настрочить – напала эмоция вдохновения, и все тут! – Он запустил цепкую ладонь во внутренний карман абсолютно черного пиджака. Улин содрогнулся, увидев тугую трубку листов формата А4. – Заранее страшно? – поинтересовался Передков, заметив, с каким чувством Улин встретил появление его труда.

– Не то слово, – кивнул Улин.

– Ладно, внимай. «Кондрат Филиппович, проснувшись спозаранку, тотчас метнулся к окну и вдохнул праздничный, благой дух, истекавший с бесконечного синего неба. Ни единого облака не бороздило «его» просторы. Предвкушая «мероприятие», он наскоро согрел себе вчерашнюю кашу и вдруг вспомнил, что сегодня ему необходимо особо тщательно «почистить» зубы и умыться: как никак праздник поминовения усопших. Его ждал увлекательный поход на кладбище. Всем дружным коллективом – он сам, Вадим, Сидор Петрович и Галина Абрамовна – они поедут за город, чтобы «поклониться» могилам предков. Кондрат Филиппович, всей душой стремясь к сладкой каше, вошел в ванную и открыл кран с горячей водой. Все равно из него текла холодная. Повсюду – и на полу, и на полках, и даже в стиральной машине «Малютка», повсюду у него стояли «и» лежали тюбики, банки, пузырьки и флаконы с шампунями, кремами, пастами и порошками! Такое уж у него было хобби, собирать в мусорных баках пустые яркие упаковки и наполнять их водой. Даже сливной бачок у Кондрата Филипповича был наполнен «солевым» раствором для купания. В ярком свете стоваттной лампочки «он» переливался багровым светом, в «нем» затейливо порхали кровавые искры. Кондрат Филиппович взял в правую руку свою старую протертую щетку, на

которой почти не осталось ворсинок, а в левую – тубик с пастой «Пепсодент» и сдавил его пальцами. Из горлышка полезла «какая-то» темно-серая шевелящаяся масса, а из нее торчали чьи-то шевелящиеся усики. «Что за гадость?» – брезгливо подумал Кондрат, суя щетку под текущую из крана воду. Но вода вдруг превратилась в точно такое же, несуразное нечто и «стала» наполнять раковину, не протекая сквозь дырку. Из всех емкостей полезла та же самая масса, и наконец Кондрат Филиппович понял, что это тараканы, сцепившиеся друг с другом. Невыразимое чувство гадливости охватило его, он «дико» закричал и сорвал с ноги тапок. «Стой!» – прозвучал в его голове стройный глас тараканьего сообщества. Рука с тапком замерла на полпути между апогеем и перигеем.

– Что вам нужно?! Кто вы такие? – крикнул он с перекошенным от «гнева» лицом.

– Мы? Мы души безвинно убиенных тобой тараканов!.. Покайся, Кондрат, – звучал в его мозгу мощный хорал.

– «Нет»! – взвизгнул он, содрогнувшись. – Никогда вы этого не дождетесь! Будь моя воля, я растоптал «бы» всех тараканов на Земле! Ненавижу!

И так велика была его ненависть, что «призраки» насекомых почувствовали ее и отшатнулись в страхе.

– Ах, так! – тонко вскричал «какой-то» смелый призрак. – Дави его, братва!

Со стен, потолка и пола на Кондрата хлынула шевелящаяся масса, заползая ему в уши, рот, ноздри, глазницы и «задний» проход...»

– Ох, – выдохнул, содрогнувшись, Улин. Настолько велика была сила художественного слова, что темный, почти неосвещенный подвал показался ему наполненным гадкими усами. Удивительно, как мастерски умел Передков голосом изобразить все свои ироничные кавычки. – Больше не надо, а то я точно сегодня не засну. Лучше так скажи, в чем сюжетная линия.

– Тут я пока в сомнениях, – сказал Передков, – потому что она мне не очень нравится. Может, еще все переделаю. В общем, они залезли ему внутрь, даром что призраки, и съели у него весь мозг. Да и остальные внутренности тоже, осталась только одна человеческая оболочка...

– Ну?..

– И стал он ходить по всяким рынкам и прочим людным местам и призывать людей жить в мире с божьими тварями, не убивать их ружьями, пушками, ножами, пистолетами, вилами, баграми, удочками, сетями и тапками. Тут у меня несколько страниц его вдохновенных речей.

– И они его послушались?

– Нет, конечно! Это было бы против принципов метареализма. Его забрали в психушку, и он продолжал свою проповедь добра уже там. И почти достиг успеха, как вдруг какой-то злой «доктор» вколол ему сверхдозу аминазина. Тараканьи призраки выбрались из тела героя – тот сдулся, как шарик – и влезли в этого врача... И так далее.

– Жутко, – признался Улин. – Мне бы нипочем такой материал не осилить.

– Да ладно! Как тебя все-таки зовут, а, Ник? – вдруг полюбопытствовал насмешливый Передков.

– Никандр, – буркнул Улин, увядая духом.

– Сочувствую... – участливо протянул Передков. – Ладно, мне работать надо, а я тут пиво распиваю! Заглядывай при случае, я в 613-м остановился.

Он бодро вскочил и широкими стремительными шагами ринулся к «выходу». Аделаида, заметившая это, перегнулась через стойку и что-то выкрикнула, но, как назло, в этот момент из колонок грянул барабан, а плотник яростно скрипнул гвоздодером, и ее вопль пропал втуне.

Улин поставил перед собой початую бутылку с «ЛСД...», вздохнул и раскрыл рукопись Печорского на середине. Пока других посетителей не было, он решил ознакомиться с творением талантливого автора.

«...Я вот думаю – а не послать ли мне в «Натуре» статью об эволюции, – сказал Влад, вяло развалившись на панцирной кровати и протирая спиной сальное пятно на обоях. – Или в «Природу».

– И что же ты такого открыл? – лениво поинтересовался Вадик, лежавший на своей койке. Он потягивал из бутылки свое излюбленное пиво «Пикантное».

– А про клопов.

– Ты бы лучше встал и подавил их, чем статьи писать.

– Да ты послушай, о чем речь-то! Я подумал: человек произошел от обезьяны, а клоп от кого? Ну?

– Клоп-то? Э-э... Да хрен его знает!

– То-то же! Клоп – это самое первое звено в эволюции! Он первичен, ты понимаешь?

– Ну и что? – Пиво у Вадика заканчивалось, и в его голосе появилось пока еще слабое раздражение.

– А то! Вот про это и статья. Ну, что скажешь?

– Иди-ка и постучи по ним молотком, вот что я скажу.

– Ни черта ты не понимаешь в биологии!

Влад нехотя достал из тумбочки молоток, рабочая поверхность которого была обильно покрыта засохшими кровавыми пятнами, и взобрался на спинку кровати. Под самым потолком, за краем облезлых обоев, у них в комнате обитали клопы, и каждый вечер Влад и Вадик по очереди лазили туда и простукивали весь периметр комнаты. За раз удавалось убить едва ли штук сорок, остальные, почуяв угрозу по вибрации стен, успевали спрятаться в каких-то недоступных для молотка щелях...»

– Здорово, паря! – вскричал кто-то над ухом Улина, хлопая его по плечу. Это был организатор фестиваля Чебоксаров. – Извини, что не встретил, дел по горло. Хранишь ли ты заветы Де-Голлевой? Чтишь ли их? – вдруг и строго спросил он.

– Само собой. Так это ты придумал ее изречения по стенам развесить?

– А то кто же? Ладно, мне недосуг. – Чебоксаров с отвращением покосился на бутылку водки. – Нормально устроился? Скажи только, как тебя зовут по-настоящему, да я пойду, мне еще с киношниками по телефону договариваться.

– Никанор.

– Тьфу, что за имечко! Лучше никому не говори, а я уж буду молчать.

Он тепло кивнул Аделаиде и пропал, оставив Улина в одиночестве. Тот вернулся к рукописи погибшего литератора.

«...Предков убиваю», – шевелилась в его голове мысль, когда он наметил первый бугорок на обоях – там любили проводить минуты отдыха насосавшиеся человеческой крови насекомые. Занеся руку с молотком, он опустил тяжелый металл на выбранное место. Из-за края обоев вверх брызнула неожиданно густая струя крови, будто лопнул не клоп, а что-то намного более значительное по размерам. Несколько густых, вязких капель попало ему на тыльную сторону ладони. Влад вздрогнул и выронил молоток, с мягким стуком упавший на одеяло. Багровые кляксы на коже стали медленно шириться и расползаться, сливаясь по цвету с проступившей мышечной тканью человека...»

– Что читаешь? – спросил его веселый голос, в обладателе которого Улин узнал корреспондента центрального журнала «Мистику и ужасы – в жизнь!» Педерсена. Тот постоянно разъезжал по разного рода конвентам и даже один раз выступал в телевизионной передаче «Судьба замечательных литераторов и критиков» по поводу юбилея Де-Голлевой.

Педерсен шлепнулся на стул и призвал Аделаиду.

– Жбан квасу, – сказал он ей. Через минуту он уже отхлебывал из огромной кружки свой любимый напиток.

Улин рассеянно молчал, не рискуя вернуться к тексту Печорского – очень уж тот был неподходящим для вечернего чтения.

– Уф! Слушай, а как твое «Ник.» расшифровывается? – Педерсен оторвался от «жбана», его круглая скандинавская физиономия напряженно застыла в ожидании откровения. Его белые волосы также замерли и не трепыхались, хоть и торчали хохолком словно у заправского панка.

– Никомед, – признался Улин.

– Эвон как!

Педерсен, влюбленный в Россию, стремился уснащать свою речь традиционными «народными» оборотами и словечками.

– С виду русский, а имя какое-то... греческое, что ли? – неодобрительно высказался Педерсен. – Правильно скрываешь, я бы тоже так поступил.

– Ты бы не учил меня, – хмуро сказал Улин. – Чухонец поганый. Раз такой русофил, почему фамилию не поменял?

Педерсен громко засопел и насупил.

– Мне папа запретил, – пробормотал он. – Сказал, что его отец был знатным финским лесорубом. Или шведским, не помню... Ты ничего не понимаешь! Он в паспортный стол ходил и дал им взятку, чтобы они меня с порога прогоняли, если приду заявление писать. И в ЗАГСе он тоже был, и тоже им денег дал. И в других местах, вплоть до мэрии. И даже в правительстве, по-моему, был... Лучше бы он эти деньги мне отдал! Чтобы я в эти органы не совался...

– И давно это было? – заинтересовался Улин.

– Лет двадцать назад, – наморщил низкий лоб Педерсен. – А что?

– А то, что ты тоже можешь в ЗАГС сходить и предложить им деньги за перемену своей фамилии. И если повезет, то сотрудники там уже сменились, и они не знают про династию Педерсенов, поэтому много не возьмут – только госпошлину. А в правительство теперь не надо ходить, они думают обо всей стране сразу, а до твоего финско-шведского лесоруба им дела нет.

Педерсен дико взглянул на Улина и открыл рот.

– Ты подарил мне надежду! – воскликнул он в ажитации и сорвался с табуретки. – Сейчас же еду на вокзал! Забрось завтра мой чемодан на почту, отправь его контейнером на мой адрес, а то мне некогда! Он в 613-м номере.

Оставив пустую кружку, Педерсен метнулся к выходу из подвала и с обезьяньей скоростью стал карабкаться по лестнице. Его пышные ляжки мелькали словно в стробоскопе.

– Деньги! – обреченно завопила от стойки Ада, почти не заглушаемая плотницким шумом.

– На мой счет в банке!.. Наложным платежом!.. До востребования!.. Обман потребителей!.. Фальшивое авизо!.. – Ликующий голос Педерсена затих вдали, но звук его звонкого топота еще какое-то время гулял в затхлом пространстве подвала, постепенно сходя на нет.

Улин взглянул на свою сиротливую бутылку, которая пока так никого и не прельстила, а затем на часы, и остолбенел во второй раз. Они показывали то же самое время, что и в момент появления его в этом подвале, хотя секундная стрелка исправно бегала по кругу. Улин уставился на них, желая поймать момент подвижки минутной, но в последнее мгновение хриплый голос каркнул ему в ухо:

– Встать!

Он подскочил на месте, с трудом удерживая рвущееся под ноги сердце, и увидел перед собой долговязого типа в черном, донельзя небритого, с пылающими глазами, как будто рентгеном просвечивающими улиньские внутренности.

– Лифтис! – коротко представился гость и сел напротив Улина, положив перед собой толстую черную папку, на лицевой стороне которой красовались серебряные череп и кости – разумеется, скрещенные. Властным жестом подозвав Аделаиду, он зло и откровенно бросил ей прямо в лицо:

– Просроченное пиво, лучше прошлогоднее, и побольше.

Через несколько секунд барменша уже вернулась, неся сразу несколько пыльных бутылок, оставила открывашку и тут же удалилась за стойку. Все это время Лифтис, сощурившись, взирал на Улина со страшным выражением на худом щетинистом лице.

– Ты ведь Ник. Улин, верно? Я видел твою рожу на обложке книги. Дерьмо книжонка, кстати... А зовут-то тебя как, братец Ник? – вдруг, зычно отрыгнув, желчно буркнул он куда-то вглубь своего стакана.

– Никита, – с успокаивающей мягкостью отозвался Улин. – А ты что подумал?

– Я никогда не стараюсь угадать ответ собеседника – с тех самых пор, как понял, что иначе мне становится неинтересно с ним общаться, – высказался Лифтис и отпил прямо из горлышка. – Но если честно, то именно так я и подумал.

Он раскрыл свою жуткую папку.

– Советую допить пиво, чтобы подготовить емкость для рвоты... Небось свои говенные фразки смакуешь? – презрительно кивнул он на рукопись Печорского. – Послушай, как надо писать настоящие тексты, а не такие сопли, как у тебя. «Желудок котенка, наполненный не успевшим исторгнуться бурым дерьмом, выскользнул из пальцев, будто жирная серая пиявка, и с влажным чмоканьем прилип к израненной тесаками поверхности стола, – с невыразимо мрачными интонациями начал читать он. – Макс провел тыльной стороной ладони по взмокшему лбу, пытаясь вытереть его. Но добился лишь того, что заменил пот густыми кровавыми полосами. Жалкие кусочки мяса не желали отслаиваться от свалившейся грязно-бурой шкурки.

– Проклятье! – случайно зацепив острым концом ножа большой палец, выругался он. Его наконец-то пробрало ширево, которым он укололся позавчера. Из ранки показалась рубиновая капля и стала быстро набухать.

– Ну, что у тебя там? – пробурчала Елена, катавшая протухшее тесто на противоположном конце стола, и подняла давно не мытую голову. – Ну и поганая же у тебя харя!

– Пошла в жопу, – огрызнулся Макс, стискивая рукоятку ножа. – Попробуй, сама раз-делай.

Красная капля стекла по коже и шлепнулась в кровавое месиво, бывшее когда-то двух-месячным подвижным зверьком.

– Ну ты и пидор! – расхохоталась Ленка.

– Сама блядь недорезанная, – вяло парировал Макс, протирая порез чистым участком шкурки, кажется, хвостом.

– Это я-то блядь? – вскинулась она. – Говнюк ты, а не мужик. С ножом и тем обращаться не умеешь, а про твой вонючий член я вообще молчу. Еще и короткий!

– Ну, ты меня достала, курва! – вышел из себя Макс, резко перегнулся через загаженный стол и кулаком, в котором был зажат нож, ударил Лену в челюсть. Та звонко хрустнула и съехала на бок – начиналась обычная семейная сцена, каких этот притон видел множество...»

Не сдержав позыв, Улин склонился над стаканом и рыгнул в его прозрачное нутро, произведя звонкий и смачный звук. Тошнотворное просроченное пиво запросилось обратно, наружу.

Лифтис злорадно зауhal, заставив всех окружающих поежиться.

– Есть, есть эффект! – взревел он, с размаху ударяя костистым кулаком по столешнице, отчего стаканы и солонка подпрыгнули на несколько сантиметров ввысь. – Как я горд собой! – продолжал громыхать он, заставляя гулкое эхо судорожно метаться между сырых стен. Через несколько минут он пришел в себя, пригладил черные растрепавшиеся волосы и вновь приобрел угрожающий вид.

– Я рад, что тебе понравилось, – пробормотал он и осмотрелся.

– В чем же сюжет произведения? – вежливо спросил оправившийся Улин.

– А? Так, нормальный ужастик. Кровь с Максова пальца оказалась в конечном счете в пирожке, а Елена продала его какому-то командировочному на вокзале, ночью. Тот его съел и превратился в людоеда, бросил работу и принялся по ночам крошить граждан в бульон. И какая-то неведомая сила влекла его в квартиру Макса, куда он в конце концов и вломился с топором. Но тот оказался не лыком шит и сам порубил людоеда, а потом они с Еленой порезали его и напекли еще сто или двести сочных пирожков. Понимаешь, что из этого получилось?

– Как не понять? – вздрогнув, сказал Улин.

– И я один из них.

– Из кого?..

– Я съел один из тех пирожков с мясом.

Над столиком воцарилось тяжелое молчание, лишь из горла Лифтиса вырывался насыщенный застарелыми пивными парами воздух. Он медленно поднялся над столом и склонился к окаменевшему Улину, буравя того мрачным, неподвижным взглядом.

– Но свидетели мне не нужны!.. – объявил он и закрыл чудовищную папку. – Кстати, когда я прочитал Аде свой рассказ, она мне сказала, что уже давно печет дома пирожки с котятами, по праздникам: берет на птичьем рынке по рублю за штуку, покрупнее выбирает, и готовит. Очень выгодно. Иногда и в буфете своим постояльцам предлагает. Кстати, рекомендую осмотреть ее правую грудь – она проткнула сосок и повесила золотое кольцо, совсем как героиня моего романа «Рвотная масса, каловая масса».

Лифтис глухо хохотнул.

– Если не трусишь – приходи в полночь в 613-й номер, – зловеще прохрипел он и направился к лестнице. Когда он уже карабкался по ней, Улин расправил скукоженные пароксизмом ужаса плечи и посмотрел на Аду: она явно хотела напомнить Лифтису о деньгах, но не решилась и умно промолчала.

«Черт, – подумал Улин. – Кто-нибудь будет пить со мной водку или нет?»

Он вновь тупо уставился на свои часы, но следить за стрелками было невыносимо скучно, и уже через пятьдесят восемь секунд он, не дождавшись конца круга, взглянул в направлении «лестницы в небо». И точно, от нее приближалась знакомая фигура знаменитого автора интеллектуальных ужасов Южского. Не дойдя до столика, он подозвал Аделаиду. Откликнувшуюся на этот раз с неохотой.

– Привет, Улин! – сказал он. – Принесите бурбону, мадам.

– С ананасом поди пожелаете? – недовольно буркнула барменша.

– А? Можно и с ананасом... Да, пожалуй. Ты чего в одиночестве? – спросил он.

– Да вот, никто не хочет пить со мной водку, – пожаловался Улин и подвинул к Южскому свою початую бутылку. Акцизная марка висела на ней как использованный презерватив. Южский изучил все атрибуты напитка и поморщился:

– Извини, дружище, но мочегонскую водку я не пью. Даже с галлюциногенами. Давай-ка лучше моего бурбона. Ты заглядывал Аде в трусы?

– Зачем это? – опешил Улин.

– Очень интересное зрелище – выбритый лобок, а на нем татуировка готическими буквами: «Седьмой круг ада. Южский». Мне было очень приятно узнать, что мой роман пользуется такой популярностью.

Напиток не слишком удачно лег на прошлогоднее пиво, которым его попотчевал Лифтис, в голове раздался белый шум, сквозь который подобно радиопомехам проник голос Южского:

– Давно хочу у тебя спросить...

– Что? Как мое настоящее имя? – насупился Улин.

– Ну да.

– Никифор.

– Я так и думал, – кивнул Южский. – Славное русское имя, располагающее к вальяжной задушевности. Вот, послушай кусок из моей новой повести. – Откуда-то вынырнула сложенная в трубку кипа листов бумаги, и Улин безропотно приготовился выслушать леденящий отрывок. – Эпиграф: «Искусство для человека бессмысленно. Я предпочитаю искусство для Бога. Жак Маритен». Звучит? – Дожидавшись улинского кивка, Южский продолжал: – «Он глядел на лошадь перед собой, на крупе которой лежало потертое кожаное седло коричневого цвета; проплешины казались частью неведомого узора, вышитого на криволинейной поверхности желтоватыми невесомыми нитями, ажурно сплетавшимися в бесконечное множество Мандельброта. Он знал эту фамилию, потому что в незапамятные времена обучался в престижном вузе, оставившем после себя лишь бессвязные термины и фамилии, рассеянные по пыльным закоулкам памяти. Из распоротого брюха животного торчала изогнутая дуга белесой кишки, облепленная злобно жужжащей, хаотично перемещающейся колонией зеленых мух; казалось, они подозрительно косятся своими фасетчатыми глазенками на склонившегося над трупом грязноодетого Бориса. В глазах у него внезапно потемнело, печальную картину лошадиной смерти заволокло далекое, но при этом такое близкое – увы, лишь в его сознании, израненном годами скитаний по черным асфальтовым и серым грунтовым дорогам – видение его последних, триумфальных скачек, когда он шутя выиграл Гран-при, пролетев в текучем облаке душной пыли сквозь толпу бестолковых конкурентов, окруженный тысячей отверстых в едином вопле восторга или гнева, набитых зубами ртов, перекошенных эмоциями лиц и вздетых к бирюзовому небу рук. Невыносимая душевная боль заставила грязноодетого подойти к морде павшего коня и протянуть к ней изъеденную коростами руку – вот так же он, бывало, утешал своего скакуна после неудачных заездов – и прикоснуться к его холодным, вялым губам черно-лилового цвета; они были подобны чашечке неведомого тропического цветка, источающего привлекательное для мух зловоние. Время словно застыло, и Борис, неподвижный, будто покореженная статуя безвестного карлика, отстраненно наблюдал, как челюсти коня, шурша придорожной галькой, раздвигаются, наползая на его ладонь и погружая ее в смрадную стылую сырость, затем смыкаются на запястье и начинают пережевывать прокаженную плоть тупыми, щербатыми зубами...»

– Бр-р! – сказал Улин, чуть не поперхнувшись бурбоном.

– Это лишь начало, – заметил Южский. – Дальше еще жутче будет.

– А сюжет какой?

– Наркоман-зоофил, он же бывший жокей, сломавший при падении с лошади все четыре конечности, напрочь теряет квартиру и работу... Идет по дорогам страны и натывается на труп коня – ты слышал, – потом тот съедает у него ладонь и ногу до колена и якобы оживает. Жокей садится на него – ходить-то уже не может! – и они скачут по деревням и полям, наводя ужас. Пожирают домашний скот и так далее, вплоть до людей. Полно всяких кровавых сцен в коровниках, овинах, псарнях, овчарнях, курятниках, свиноводниках, кораллах, будках и под конец, «на десерт» – в женской бане. Причем все сцены – от лица жертв, так что можешь себе представить: сытая свинья спокойно жует отруби, радуясь своей свинской

жизни, а из-за спины, как расплата за ее грязную сытость, к ней тянется окровавленное копыто или еще что похуже! Зоофилические акты между конем и жокеем тоже имеются – по-моему, очень поэтично получилось.

– Жуть! А кишки?

– Какие кишки?

– Ну, которые из этого коня торчали. Они выпали?

Южский непонимающе уставился на Улина и глубоко задумался.

– Да, – сказал он через несколько секунд. – Они выпали и вместе с желудком волочили за ними по проселкам и бездорожью... А называется повесть – «Карлик в язвах и рубище».

– Круто! Чем заканчивается?

– Конь и жокей поедают в бане сочную бабу, а тут врываются мужики с вилами, топорами, лопатами, баграми, ухватами, ножами и даже один с незарегистрированным гладкоствольным охотничьим ружьем. Приканчивают Бориса и срубает голову коню, да он-то все равно мертвый! В общем, хоть и без головы, он их всех затаптывает копытами и заталкивает свою кишку жокееву труп в рот. Тот ее съедает и встает как новенький, прилаживает коню голову – с помощью ухвата – и они, связанные одной кишкой, скачут во тьму с победным ржанием.

Пораженный, Улин несколько мгновений не мог протолкнуть в спазматически сжавшееся горло плещущийся в ротовой полости бурбон.

– Гениально! – воскликнул он.

Южский довольно ухмыльнулся и сунул рукопись в карман.

– Думаю на днях закончить и отправить в «Кабы», они давно мне названивают. Ну, я пошел, мне работать надо. Заходи вечером в 613-й, я там остановился. Да бурбону не забудь!

Он одним глотком осушил свой фужер и стремительно поднялся, и Улин успел только прокричать ему прощальное «пока!», как над его головой, стряхнув на столик строительную пыль, простучали по лестнице шаги Южского.

– Ну, кто платить будет? – зловеще поинтересовалась возникшая за спиной Ада. – Писатели!

Улин, борясь с неожиданным опьянением, полез в карман и наткнулся на шершавую пустоту.

– А можно, я утром отдам? – просяще пробормотал он. – А то, может, мою водку возьмете? Почти полная бутылка.

– Еще чего! – возмутилась Ада. – Тут Вам не МВФ, чтобы кредитные линии открывать. Мы взаимозачетами не занимаемся и наркотой не торгуем.

Она сделала энергичный взмах рукой, на который откликнулись плотники, тут же с воодушевлением обступившие растерянного Улина.

– Что это вы, ребята, а? Ну ладно, пойдемте в мой номер, там у меня есть деньги. – В животе у него вулканизировала смесь разнообразных напитков, почти все отторгая посредством мочевого пузыря, который, в свою очередь, старался увлечь Улина в уборную. – Кстати, где тут у вас в баре туалет?

– Он тоже платный, – скривился один из рабочих и вынул из-за спины электродрель, которую тотчас включил: сверло диаметром около двух сантиметров живо завертелось перед глазами писателя. «Как он подвел к ней питание?» – озадаченно подумал одинокий посетитель подвала. Второй плотник достал из-за пазухи бензопилу и демонстративно и как-то по-лихачески завел ее, обдав Улина облачком токсикоманского дымка.

– Грязь ты дорожная, а не писатель! Упился своей вонючей отравой! – брезгливо сказал он, нацеливаясь Улину на шею. – Наркоман паршивый.

– Гордись, ты станешь первой жертвой нашей банды маньяков, – кровожадно гавкнул обладатель электродрели. – Гроб для тебя уже готов.

– Собственно, тебя как зовут-то? – без всякого любопытства спросила его Ада. – Я имею ввиду, на самом деле? А то наплел тут.

Медленно сползая на бетонный пол в бесплодной попытке спрятаться под столом, он посмотрел назад и увидел сразу и деревянный кособокий ящик вместо подиума, и обоих плотников, готовых вонзить в него свои орудия труда. И все же он успел выдать из себя последнее слово:

– Никто.

1999

Практическая биофизика

Девушка совсем не походила на убийцу – ни простого, ни наемного. Однако Ивана Григорьевича Патрушева, следователя окружного управления, это не смущало, он свято верил в непознаваемость женщин. Каждодневно общаясь с подозреваемыми и преступниками, свидетелями и просто коллегами, он с полным основанием полагал, что не имеет права доверять собственным глазам. Про эмоции и говорить нечего.

А сидела перед ним самая обыкновенная студентка, судя по паспорту, имеющая постоянную прописку в какой-то Кедровке Озерского района, соседней области. Тушь с ее редких ресниц, расплавленная истерикой, пятнами покрывала широкое веснушчатое лицо.

– Что же Вы, Настасья Сергеевна, в своем областном центре не учитесь? – спросил Иван Григорьевич. Свидетели преступления уже ушли, оставив ему веские, размером в три страницы показания. – Все-таки к дому поближе.

– Я не виновата, – в тысячный раз всхлипнула девушка. Скрип тормозов электрички и неразборчивое объявление станции завершили ее реплику эффектным мазком.

– Неправда, – в сотый раз возразил следователь. – Вы слышали свидетельские показания. По вашему, я не должен им доверять? Их много, а Вы – одна. Что же, будете отрицать, что это не Вы толкнули гражданку Ванееву на рельсы? Сержант, у вас тут чаю не найдется?

– Сейчас, товарищ капитан, – отозвалась суровая женщина, дежурившая в пункте милиции. Она воткнула вилку в сеть и стала прислушиваться к утробному шипению воды в импортном чайнике.

– Не буду.

– Чего не будете? – не понял Патрушев.

– Отрицать. Я толкнула ее нечаянно.

– Убийство, как ни крути, – сочувственно проговорил Иван Григорьевич. Телефон на столе зазвенел.

– Ваша машина подъехала, – сообщила сержант. Патрушев извлек из своего забрызганного грязью портфеля наручники и нехотя поднялся. – Стоит у выхода на Дмитровское, как просили.

– Жалко, – покосившись на закипающий чайник, буркнул он. Пристегнув к своему запястью не сопротивляющуюся Настю, он повел ее к выходу из метро. Утренняя толпа схлынула настолько, что можно было без труда протолкаться к эскалатору. Нормальное движение по ветке возобновилось еще минут двадцать назад, когда следственная бригада разрешила медикам собрать обугленные останки жертвы с путей. Правда, до луж рвоты руки ни у кого не дошли – отложили на ночь. Все равно свидетели трагедии уже разъехались по делам. А кому еще известно, что здесь около часа назад юная гражданка Туркина столкнула на рельсы сорокатрехлетнюю гражданку Ванееву?

Мотивы! Вот о чем думал Патрушев, волоча за собой Настасью Сергеевну. Но какая может быть связь между приезжей девицей и зрелой коренной горожанкой?

Пассажиры мельком, рассеянно оглядывались на парочку и спешили дальше, меся обувью скользкую грязно-снежную кашу. Дело казалось Патрушеву простым. Ну, вздрогнула несчастная студентка, толкнула плечом соседку. Да так неудачно, что та сверзилась с перрона прямиком на рельсы, перед носом головного вагона. Не первый случай в «практике» метро. Может, у гражданки Туркиной нервное заболевание редкой формы, что-то вроде тика тела? Опять же, падучая. Хотя в этом случае полагается падать на пол и биться в конвульсиях, кажется. Черт, прошлый век какой-то, что еще за падучая? Так или иначе, первым делом следует определить ее судебным медикам, проверить связи... На «кровную месть» этот жуткий случай никак не походил, но порядок есть порядок.

Заваленный текучкой, Патрушев уже на другой день почти забыл о случае в метро. Вспомнил только под вечер, тогда и позвонил своему помощнику, младшему лейтенанту Розоватому.

– Толик, что там с Туркиной?

– Это та студентка? – утомленно отозвался милиционер. – В первом приближении пусто.

– А во втором?

– Некогда мне, товарищ майор, – занял Розоватый. – Пять вооруженных ограблений, изнасилование, тяжкие телесные...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.